

> МАГИСТРАЛЪ >

ВАЛЬТЕР БЕНЬЯМИН

Берлинское детство
на рубеже веков

Москва
2024

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44
Б46

Walter Benjamin
Berliner Kindheit um Neunzehnhundert

Перевод с немецкого *Галины Снежинской*

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Беньямин, Вальтер.
Б46 Берлинское детство на рубеже веков / Вальтер Беньямин ; [перевод с немецкого Г. Снежинской]. — Москва : Эксмо, 2024. — 144 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-199745-8

Вальтер Беньямин погружается в воспоминания о детстве. Трогательные зарисовки о взрослении на рубеже веков от знаменитого немецкого философа. В 1900 году Вальтеру Беньямину, мальчику из еврейской семьи, было всего 8 лет. С течением жизни воспоминания о детстве истончаются, стираются. Но Беньямин смог заглянуть в прореху времени и собрать из цветных осколков, запахов, полутонов и настроений чудесные, нежные зарисовки о дорогих сердцу годах. Воспоминания о катании на коньках, коллекции открыток, запах рождественской елки и шелест книг, которые окружали его с самого детства, — все эти крошечные фрагменты детства Вальтер Беньямин с любовью описывает, окутывая читателя магией своих причудливых, поэтичных метафор.

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-199745-8

© Г. Снежинская, перевод на русский язык, наследники, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Потерянный Берлин Вальтера Беньямина

Рассказчик — это человек, который мог бы без остатка спалить фитиль своей жизни в нежном пламени собственного рассказа.

Вальтер Беньямин

Работать над проектом, который впоследствии примет форму книги «Берлинское детство», Вальтер Беньямин начал зимой 1932 года. За составление воспоминаний о Берлине он взялся по заказу журнала *Die literarische Welt* — и к лету 1932 года, во время поездки на Ибицу, первоначальная версия этих воспоминаний под названием «Берлинская хроника» была практически закончена. Это развернутое рефлексивное повествование еще мало напоминало филигранные миниатюры книги, которую вы держите в руках, — но послужило для них подготовительной ступенью: уже осенью Беньямин будет отправлять друзьям первые фрагменты будущего «Берлинского детства». Зимой того же 1932 года он в последний раз окажется в Берлине: вскоре к власти придут национал-социалисты, и в середине марта 1933 года Беньямин навсегда покинет Германию. Незадолго до его отъезда серия из двенадцати миниатюр под общим заглавием «Берлинское детство на рубеже веков» была напечатана в газете *Frankfurter Zeitung*. Дальнейшую работу над кни-

гой Беньямин будет вести уже в изгнании. В начале 1933 года он предложит первую законченную ее версию одному берлинскому издателю; год спустя еще одну, переработанную, направит другому — однако безуспешно. В то же время отдельные миниатюры продолжают (по большей части под псевдонимом) выходить в газетах *Frankfurter Zeitung* и *Vossischer Zeitung*. В 1938 году Беньямин принимается за последнюю переработку своей книги — и снова пытается ее опубликовать. «Если издатель для нее найдется», — заявляет он в мае 1938 года в письме богослову Карлу Тиме, — «то эта книга могла бы иметь заметный успех в продажах. Ей есть что сказать тысячам изгнанных из страны немцев»¹. В эту окончательную версию книги вошли 30 автобиографических миниатюр из 42 написанных с 1932 года. Однако планы на издание в очередной раз провалились — и при жизни Беньямина книга так и не была опубликована. В 1940 году, перед тем как бежать из Парижа, на который уже наступали гитлеровские войска, Беньямин передал беловую машинопись «Берлинского детства» вместе с некоторыми другими текстами из своего архива Жоржу Батаю, который спрятал их в здании Парижской Национальной библиотеки. Большинство этих бумаг Батаю после войны удалось отыскать и переправить в Америку, Теодору В. Адорно — однако машинописи «Берлинского детства» среди них не оказалось.

Впрочем, оставались многочисленные газетные публикации — и в 1950 году Адорно, по памяти вос-

¹ *Walter Benjamin: Briefe I*, hrsg. v. Gerschom Scholem und Theodor W. Adorno, Frankfurt a.M., 1978. S. 755 f.

становив оглавление ранних версий «Берлинского детства», с которыми когда-то знакомил его Беньямин, самостоятельно составил из них книгу и предложил ее для публикации издательству Suhrkamp. С тех пор эта книга еще три десятилетия продолжала издаваться как неоконченная: сперва в виде подборок из газетных публикаций, а впоследствии — с опорой на черновые манускрипты, попавшие в руки исследователям. Только в 1981 году Джорджо Агамбен обнаружил затерявшуюся машинопись финальной версии. С тех пор «Берлинское детство» во всем мире издается именно в этой форме. Миниатюры, не включенные в беловую машинопись книги, но успевшие получить широкую известность в посмертных публикациях 1950-х — 1980-х гг., печатаются в приложении (см. раздел «Фрагменты ранних редакций» настоящего издания).

«Берлинское детство» стало первой книгой, с которой Теодор Адорно в 1950 году убедил владельца издательства Suhrkamp Петера Зуркампа начать посмертное издание трудов Вальтера Беньямина — автора на тот момент совершенно забытого. Сам Зуркамп, как рассказывали впоследствии его коллеги, перед выходом книги готов был держать пари, что во всей Германии не найдется и сотни человек, хотя бы слышавших имя Беньямина. Неудивительно, что успеха у публики «Берлинское детство» поначалу не имело. Громкая посмертная слава придет к Беньямину позже, уже в шестидесятые годы — и это будет слава не литератора, а теоретика. Так что свое нынешнее место в классическом каноне немецкой прозы «Берлинское детство» заняло уже после того, как благодаря усилиям франкфуртских издате-

лей Беньямин получил широкую известность как философ и культурный критик. Это по-своему закономерно. Миниатюры «Берлинского детства», которые сегодняшнему читателю могут на первый взгляд показаться не более чем ностальгическими зарисовками, в действительности по своей интенции глубоко родственны историческим и философским изысканиям Беньямина в 30-е годы XX века. Взгляд, которым повествователь «Берлинского детства» смотрит на родной город, — это взгляд *рассказчика* в строго беньяминовском смысле слова. Как замечал сам Беньямин в рецензии на сборник «Берлинские прогулки» одного из своих любимых прозаиков Франца Хесселя (1929), описания городов в большинстве своем состояются не их обитателями, а чужаками, приезжими. Тот же, кто пытается нащупать образ родного города, «путешествует не в дальние края, а в прошлое». Такому автору ни к чему «восторженный импрессионизм, с которым так часто подходит в своему предмету описатель». Ибо Хессель — тоже, как и Беньямин, уроженец Берлина — «не описывает, а рассказывает. Более того, он пересказывает то, что слышал сам. “Берлинские прогулки” — эхо того, что город с ранних дней рассказывал ребенку»¹.

Все это в равной мере относится к самому Беньямину, который спустя три года после выхода «Берлинских прогулок» Хесселя возьмется за проект будущего «Берлинского детства». Бе-

¹ *Walter Benjamin: Die Wiederkehr des Flaneurs*, in: *Gesammelte Schriften IV*, hrsg. v. Hella Tiedemann-Bartels. Frankfurt a.M., 1991. S. 194.

ньямин — тоже путешествующий в прошлое рассказчик. И эти его прогулки подвижны вовсе не ностальгической тоской и не стремлением найти в прошлом убежище от невыносимого настоящего. Как замечал Петер Сонди, один из первых и самых внимательных читателей «Берлинского детства», «Беньямин не стремится освободиться от темпоральности, не стремится увидеть вещи в их исторической сущности, нет: он стремится к историческому опыту и историческому познанию; однако оказывается отослан в прошлое, причем в такое прошлое, которое не разомкнуто, но открыто — и предвещает будущее»¹. «Я жил в девятнадцатом столетии, точно моллюск в своей скорлупе», — пишет Беньямин, — «а ныне оно лежит передо мной пустое, как мертвая раковина» («Обормотя»). Эхо, звучащее в этой раковине, рассказывает о местах и вещах, необратимо пережившихся с тех пор, как девятнадцатый век сменился двадцатым. И если сегодняшнего читателя обстановка «Берлинского детства» может в чем-то удивлять, а в чем-то умилять, то на тех, кто эту перемену застал, она производила совершенно иное впечатление. Теодор Адорно так писал в послесловии к своему изданию «Берлинского детства» об этих вещах, ландшафтах и интерьерах: «Воздух вокруг мест, что на наших глазах оживают в представлении Беньямина, смертоносен. На них падает взгляд приговоренного, и в них

¹ *Peter Szondi: Hoffnung im Vergangenen*, in: Peter Szondi, *Schriften II*, hrsg. v. Jean Bollack, Henriette Beese u.a., Frankfurt a.M., 2011. S. 285.

он видит их собственный приговор. Берлинские руины откликаются на те иннервации, что пронизывали город на рубеже веков»¹. Долговечнее и светлее всего в «Берлинском детстве» оказываются вещи ненужные и нелепые — как никчемный и счастливый Одрадек из любимого Беньямином рассказа Кафки: елочные огни, мыльные пузыри, ниточные катушки. Все весомое и осмысленное — технические новшества, официальные учреждения, человеческие жилища — уже несет на себе печать будущей катастрофы. Она проступает в интерьерах буржуазных квартир, владельцы которых — не жители, а постояльцы («Цветочный двор, 12»); в замороженном ужасе, с которым ребенок из буржуазной семьи тянется к миру улиц («Нищие и проститутки»); в очертаниях многоголового спрута, который собирается на званые вечера в гостиной его собственной квартиры («Общество»).

Рассказ, рассказывание — одно из ключевых понятий для исторических представлений Беньямина в 1930-е годы. Эпизоды собственной жизни воскресают в повествовании рассказчика, увязываясь одновременно друг с другом и с мгновением самого рассказа, которое принадлежит совершенно другому времени. Набор этих непредсказуемых темпоральных связей представляет собой сжатую модель той «всесторонней и интегральной актуальности», в которой дается человеку в революционно-месси-

¹ *Walter Benjamin: Berliner Kindheit um neunzehnhundert. Mit einem Nachwort von Theodor W. Adorno. Frankfurt a.M., 2010. S. 112.*

анском понимании Бенямина избавленный мир. В работе воспоминания реализуется на персональном уровне та смычка между прошлым и настоящим, в которой на историческом уровне Бенямин видел единственную надежду для мира, рушащегося на глазах. «Подлинный революционный шанс», — писал Бенямин незадолго до смерти в XVIII тезисе текста «О понятии истории», — «удостоверяется тем правом прохода, которое имеет мгновение над совершенно конкретным и до поры запертым покоем прошлого. Вступление в этот покой строго совпадает с политическим действием»¹. Именно эта констелляция того катастрофического настоящего, в котором находится историк, с конкретным, родственным ему моментом прошлого, способна, по мысли Бенямина, разомкнуть ход «гомогенного времени» и открыть этому настоящему перспективу на такое будущее, которое может стать выходом из ежедневной исторической катастрофы. «Бенямин», — замечает Петер Сонди, — «вслушивается в прѣдзвук такого будущего, которое само уже успело стать прошлым»². Будущее уже присутствует в воспоминаниях «Берлинского детства» — но не как закономерное следствие этого вспоминаемого прошлого, а как неразгаданное вовремя пророчество. «Традиция угнетенных учит нас», — пишет Бенямин в тезисах «О понятии истории», — «что “чрезвычайное положение”, в котором мы живем, —

¹ *Walter Benjamin: Werke und Nachlass, Kritische Gesamtausgabe, Band 19 (Über den Begriff der Geschichte)*, hrsg. v. Gerard Raulet, Berlin, 2010. S. 42.

² *Peter Szondi, a. a. O.*

не исключение, а правило»¹. Только катастрофическое настоящее 30-х годов XX века позволяет разглядеть прежде неразличимые контуры этого вечного чрезвычайного положения в очертаниях мира, который окружал ребенка в Берлине на рубеже веков. Это, однако, и есть та точка, в которой замысел «Берлинского детства» смыкается с мыслью исторических и политических работ Беньямина. Умение рассказчика распознать в прошлом скрытые предвестия невыносимого настоящего прямо связано для Беньямина с умением диалектика увидеть в этом настоящем возможность для непредвиденного будущего.

¹ *Walter Benjamin: Werke und Nachlass, Kritische Gesamtausgabe, Band 19 (Über den Begriff der Geschichte)*, hrsg. v. Gerard Raulet, Berlin, 2010. S. 35.

*БЕРЛИНСКОЕ
ДЕТСТВО НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ*

